

“Amata nobis...” На святой земле

Владимир ЕРМОЛАЕВ

Сегодня, мы вновь, после многих-многих лет богоборчества, возвращаемся к нашим духовным ценностям, к православию как части отечественной культуры. В Москве вот уже 9-й раз прошли Рождественские чтения, во многих городах и сёлах действуют воскресные школы, проводятся традиционные православные праздники, среди которых один из самых почитаемых — Пасха. Этот праздник тесно связан с Землёй обетованной — Иерусалимом, со Святым для всех православных христиан Храмом гроба Господня, куда вот уже две тысячи лет не прекращается паломничество.

Совершим и мы заочное путешествие по этим святым местам. Прочтите, пожалуйста, предлагаемую вам статью. Вполне возможно, она понадобится вам и при изучении курса мировой художественной культуры.

Вряд ли найдётся в России много людей, которые бы не желали побывать хоть однажды за свою жизнь на земле обетованной. Неважно, верующие они или только сочувствующие, православные или приверженцы ислама. Достаточно напомнить, что Иерусалим для мусульман — это третья по значению святыня — после Мекки и Медины, место, где стоит великолепная, одетая в лазурь Наскальная Мечеть — мечеть Омара, где вознёсся на седьмое небо со святого храмового холма пророк Моххамед — создатель первых сур Корана.

Надежда увидеть когда-нибудь собственными глазами палестинские реликты постоянно вызревала и во мне. К этому исподволь подталкивали и самые разные обстоятельства: то раздражившая воображение книга, то библейский сюжет музейной картины, то вовсе уж случайное впечатление из жизни. Как-то летом в глухой, полузаброшенной деревушке, где мы ради экзотики решили провести семейный отпуск, я услышал странную местную фамилию — Полугримы. Откуда она взялась здесь — в русско-украинской южной глубинке, посреди приазовских степей? Что значила? Меня разбирало любопытство. Тем паче что белённая мелом саманная хатка Полугримов располагалась прямо против наших окон — по соседству. Оказалось, что это не настоящая фамилия, а лишь деревенское прозвище, которое со временем вытеснило саму коренную — украинскую фамилию обитателей хатки. Ведь прадед и прабабка Полугримов первыми из односельчан совершили пешее паломничество в Иерусалим — ещё задолго до революции. С тех пор и перестали они быть Дуденками и превратились для всех в полугримов, то есть в пилигримов, людей, по собственной доброй воле преодолевших все тяготы многотрудного многомесячного пути — ради исполнения одной заветной мечты.

Таких на Руси было немало. Во что обходилось каждому паломнику хождение через многие пространства земли, нам, сегодняшним, избалованным цивилизацией людям, трудно даже вообразить. Но с годами их поток не уменьшался, напротив — рос вплоть до 1917 года, несмотря на то что в массе своей это была отнюдь не зажиточная, отнюдь не гулевая публика. Большинство полугримов было из сельского сословия, из крестьян, навечно прикованных неотложными делами к земле-кормилице, считавшими кощунством оставить её без своих забот даже на малое время. И всё-таки душевный зов зачастую побеждал — ибо они, кормящие хлебом других, не хуже их чувствовали, что не хлебом единым жив человек.

Ну, а что же мы — сегодняшние, живущие в самом быстроходном, быстрокрылом техническом веке? На какие такие непреодолимые преграды всё чаще натываются теперь наши мечтания — как правило, весьма умеренные и вполне безопасные? Или причина в

другом: в привычной и уже удобной заземлённости нашего сознания, в концентрации воли и усилий исключительно на предметно-осязаемых целях, вообще в нежелании обременять себя какими-либо неконструктивными прожектами?

Мне повезло: в какой-то момент давняя внутренняя нацеленность пересеклась вдруг со счастливым случаем или проще сказать — везением. В результате однажды вечером, посреди зимы, я оказался в иерусалимском отеле Рамот Рахель вместе с двумя другими счастливицами, прилетевшими из заснеженной Москвы на представительную международную конференцию по модным ныне почти повсеместно социальным проблемам.

Ершалаим — Иерусалим

Скажу прямо: конференция эта была только благим поводом. Главный же интерес для нас представлял, конечно, сам Иерусалим. И не только он.

Не менее притягательно для всех, впервые прибывающих на святую землю, звучат и многие другие названия, несмотря на то, что большая часть этих людей отнюдь не паломники по вере, а всего-навсего туристы, экскурсанты — люди с устойчивым вирусом любознательности.

Ещё перед поездкой я купил в Москве карту Израиля. Некоторые интересующие меня названия оказались на ней зашифрованными. Они читались не так, как в евангельских текстах, а в незнакомой арабско-израильской транскрипции. Древний Вифлеем, например, превратился в Бейт-Лехем (по арабски — хлебный дом), Генисаретское озеро — в Кинерет, Назарет — в Нацерат, Вифания — в Аль-Азарию. Согласно легенде, в этой деревне Христос вернул к жизни Лазаря спустя четыре дня после смерти последнего. Даже имя главного города страны нередко меняло окраску в зависимости от того, кто его произносил: Ерушалайм, Ершалаим, Иерусалим. Правда, другие наименования звучали привычно и открыто: Галилея, Самария, Иудея, Капернаум, Кана Галилейская, где Иисус, по преданию, превратил воду в вино и где в память об этом чуде поставлена церковь с ярко-багряным, видимым ещё издали высоким куполом.

Трудно сохранить спокойствие, когда прямо на твоих глазах эти библейские названия начинают превращаться в явь, в реально существующие, наполненные движением, гулом полноводной жизни города и селения. За девять дней мы объездили многие из них — воспользовавшись поистине царской любезностью одного из влиятельных здешних тред-юнионов. Он предоставил в наше полное распоряжение быстроходный, новейшей марки “Мицубиси”. Благодаря ему и отменным израильским автострадам, мы успели побывать ещё в нескольких точках — в Хайфе, Тель-Авиве, Бер-Эшеве, расположенном в пустыне Негов, в древних средиземноморских городах-крепостях Акко и Яффа, история которых прямо связана с историей крестоносцев, с их походами на Иерусалим — за освобождение гроба Господня.

Своеобразным ежедневным чудом в такой поездке становилась для нас уже сама неукоснительно, воочию совершавшаяся материализация легендарных образов и символов, их вещной оболочки, а значит, и единой общечеловеческой Памяти.

Здесь, на святой земле, сошлись когда-то лицом к лицу на одном перекрёстке три основные монотеистические религии мира. Этот перекрёсток — вовсе не символ, не патетическая словесная фигура. У него есть конкретный адрес, реальное место: Иерусалим, Храмовый холм. Здесь эти религии продолжают сосуществовать и сегодня, несмотря на кровавые вылазки фанатиков-экстремистов, на ухищрения политиков, пытающихся перекрыть местные границы, на плотные военные патрули, перекрывающие при малейшей тревоге все подступы к своим национальным кварталам и религиозным святыням.

Всё это понятно и объяснимо в наше непредсказуемое время. Вот знаменитая Западная стена старого Иерусалима. Для каждого исповедующего иудаизм — это почти всё, что осталось от Первого Храма, построенного царём Соломоном ещё в библейские времена. Это — святая святых для сотен тысяч евреев, приезжающих сюда для молитвы со всех

концов мира, вечное напоминание о трагедии народа, который не раз становился изгнанником.

Здесь очень трудно отделить своё от чужого. Всё рядом, в непосредственной близости, в тесном соседстве, в тугих сплетениях, созданных самой историей. Прямо за стеной сияют золотом купола арабских мечетей. Практически возле неё начинаются христианские кварталы, улочки армянской четверти Иерусалима... Западная стена не однажды была в оккупации. В те годы израильяне надолго лишались возможности прикоснуться к её огромным камням, которые удерживаются только собственным весом. Доступ к ней был категорически запрещён. Не случайно на иврите она зовётся Стеной Плача. Возле неё молятся теперь (после освобождения Стены в 1968 году) днём и ночью, зимой и летом, оставая в разломах и трещинах камней бесчисленные личные послания к Богу.

Таков Иерусалим. Его старая часть для каждого новичка — настоящий лабиринт с сотнями пересекающихся и переплетающихся тесных улочек и переулков, спусков и подъёмов, боковых ходов, каменных тупиков-ловушек. Здесь непрерывно и шумно торгуют, громко заывают в кофейни и лавки, тянут за рукав, предлагая все блага и соблазны восточного торжища.

Попробуйте настроиться в этом кипящем хаосе на благодный лад. Или проще того — быстро отыскать знаменитую, известную христианам всего мира улицу Виа Долороза — Путь скорби. Тот самый, по которому почти две тысячи лет назад римские стражники гнали через улюлюкающую толпу зевак человека в сером рубище, с шутовским терновым венцом на голове — на смертный крест, на Голгофу.

Каждую пятницу по этой улице движется большая процессия во главе с монахами-францисканцами, одетыми в чёрные сутаны. Раз в неделю по заведённому здесь обычаю она проходит от начала до конца весь Путь скорби. Конечно, это лишь имитация, образный повтор, современная реплика древней трагической были, которая до сих пор вызывает волну неподдельных чувств у верующих.

Но вот вопрос: у многих ли из них дрогнет сердце при виде нынешнего шествия? Впечатляет ли оно в таком житейском неблагоприятном окружении, в сегодняшнем антураже, в котором святые символы то и дело чередуются с рекламой кока-колы и жвачки, где правит бал безудержная стихия огромного азиатского рынка?

В своё время крестоносцы жёстко столбили территорию Иерусалима, силой отбирая у местных иноверцев постройки и земли. Говоря современным языком, они создавали вокруг христианских святынь и кварталов широкую зону безопасности. Тяжёлые копыта их кованых лошадей оставили на каменных мостовых Старого города не одну вечную отметину.

Чем это обычно кончалось — известно. На силу всегда находилась другая сила.

Ревностные приверженцы различных вер при желании могут и сегодня предъявить друг к другу вороха встречных исторических обид и давних претензий. Но это снова будет Путь скорби, а не дорога ко взаимному согласию и спасению, которую и завещал когда-то будущему миру пророк, распятый на вершине Храмового холма.

Пытаться рассказать своими словами о величии Иерусалима — занятие практически безнадежное. На рубеже старой и новой эры, во времена Иисуса в нём насчитывалось не более 50 тысяч жителей. Сейчас их — около 600 тысяч. По нашим сегодняшним меркам, особенно в сравнении с такими супергигантами, как Калькутта, Шанхай, Нью-Йорк, Токио или Москва, — это вполне заурядный город, уступающий по количественному составу иным нашим областным центрам. Отдельные его части и районы зримо напоминают то арабские кварталы Каира и Багдада, то шикарные, застроенные сплошь дорогими белокаменными виллами улицы знаменитых средиземноморских курортов Европы, то лучшие фрагменты известных американских мегаполисов с их ультрасовременной архитектурой. Это так и есть. На многих зданиях Иерусалима выкованы из металла или выбиты в граните броские, видные издали надписи — имена американских и европейских меценатов и жертвователей: видных политиков, бизнесменов, миллиардеров. На их средства и по-

строено всё это грандиозное великолепие: сотни оригинальных надземно-подземных сооружений, где количество укрытых в земле этажей нередко превышает видимую часть. В их ряду здания самого разного назначения: огромный университетский комплекс, из окон которого открывается прекрасный вид на Старый город и Масличную гору, грандиозный мраморно-стеклянный Музей Израиля, крупные банки, сногшибательные пятизвёздочные отели, главная высотная синагога Иерусалима. Можно сказать, что Вечный город сегодня — это всемирная стройка.

Так это было и тысячелетие назад. В его стены вложены не только несметные средства, но и великие душевные порывы людей самых разных конфессий, энергия их истовой веры, их представления о том, каким может быть подобие святого Божьего царствия.

Поэтому очевидная эклектика Иерусалима не бьёт по глазам. Все его разнородные частицы и вкрапления органично вписались в цельную панораму, в единый поток развития. Наверное, по этой причине так притягателен его внешний облик. Отсюда величие, которое не измерить по стандарту, привычными количественными мерками.

Иерусалим — это прежде всего Старый город, окольцованный, подобно Кремлю, крепостной стеной. Прямо из неё вырастают тяжёлые угловатые башни — с проёмами именных ворот. Их семь — Золотые, Дамаские, Львиные, Яффские...

Внутри пятикилометрового кольца крепостной стены — древние, разноязыкие поселения.

О своих впечатлениях от Старого города писали тысячи талантливых людей. Вот одна из таких попыток, предпринятая нашим соотечественником в конце прошлого века.

Солнце в закате. Я выхожу на крышу, снимаю пробковый шлем, и по голове моей дует с запада сильный и прохладный ветер. Небо глубокое, бледно-синее, без единого облачка. Я на темени Иудеи, среди волнистого плоскогорья, лишь кое-где покрытого скудной зеленью.

... Иерусалим, устроенный как одно здание! — вспоминаю я восклицание Давида. И правда: как одно здание лежит он подо мною, весь в каменных купольчиках, опрокинутыми чашами раскиданных по уступам его сплошной кровли, озарённой низким солнцем. Первобытно-простой по цвету, первобытно-грубый по кладке, без единого деревца — только одна старая высокая пальма на южной стороне — он весь заключён в зубчатую толщу стен и кажется несокрушимым. Он, воспетый Давидом и Соломоном, некогда блиставший золотом и мрамором, окружённый садами Песни Песней, уступами сходящий к кремнистой ложбине Кедрона.

Над ним высятся редкие минареты, католические колокольни и рубчатый чёрно-синий купол приземистой мечети Омара. За стеной домов, над водоёмом, лежащим подо мною, два тоже рубчатых чёрно-синих купола. Это главы тяжких, вросших в землю храмов над Гробом и Голгофой. В чистом воздухе необыкновенно близка кажется мечеть. А до купола Гроба просто хочется дотронуться. Тысячи чёрных стрижей верещат и носятся над этой каменной стариною. Солнце опускается, в тёмных норах и переходах, скрытых кровлею города, в грязных базарных рядах замирает шум и говор торга... Боже, неужели это правда, что вот именно здесь был распят Иисус? И неужели это над его гробом блещет теперь в полумраке византийских сводов и подземелий жуткое величие несметных лампад, огромных погребальных свечей, золота и драгоценных камней, стоит бальзамический дым ладана, запах воска, кипариса, розовой воды!

Таким увидел Иерусалим больше века назад Иван Алексеевич Бунин.

Известность распятого на Голгофе Мессии распространялась на окрестный тогдашний мир медленно и трудно. Казнь Христа для римлян, владевших Иудеей, да и для большинства коренных её жителей была, в сущности, рядовым событием. Его современники, местные историки и философы, не упоминали о Христе на протяжении многих десятилетий. В греческих и римских странах долгое время о нём вообще ничего не знали. У языческих авторов его имя появляется лишь сто лет спустя, да и то косвенно — по поводу мятежей, вызванных новым учением, и преследований, которым подвергались последователи Хри-

ста.

На становление новой религии понадобилось по крайней мере 300 лет. Перелом произошёл лишь в IV веке нашей эры, когда византийский император Константин Великий приказал соорудить на месте предполагаемого распятия большую базилику. В 325 году его мать, императрица Елена, увидела это место во сне. Раскопки, вскоре произведённые на Голгофе, подтвердили это вещее предположение. Название Голгофа происходит от арамейского слова. Буквально оно означает — место черепа, или лобное место. Во времена Константина и Елены Голгофа действительно, оставалась в основном нетронутой, если не считать руин построенного на холме в 135 году римского Капитолия, посвящённого культу Юпитера, Юноны и Венеры.

Культ Христа победил славу римских мифических богов. Над его могилой возвели большое здание округлой формы. Здесь же была помещена найденная каменная плита с гробницы Иисуса. Эту церковь не раз стирали с лица земли различные пришельцы — персы, мамлюки, затем калиф Египта Эль-Хаким... Заново отстроили её крестonosцы, отбившие Иерусалим в 1099 году. Ныне Святая Гробница принадлежит сразу нескольким общинам: римских католиков, православных греков, армян, коптов, сирийцев и эфиопов.

...В Храм Гроба Господня мы попали только со второй попытки, пройдя в первый раз мимо — буквально в нескольких метрах от его мощных стен. Увидеть древнюю святыню целиком из узеньких окружающих её улочек попросту невозможно. А войдя в храм через глубокую каменную арку главного входа, мы не сразу сообразили, где находимся. Несколько строений срастались в один могучий монолит — с большими и малыми нефами, с лестницами, круто уходящими вверх к огромным сумрачным куполам, с гранитными ступенями, ведущими вниз — под тяжёлые своды подземных, самых древних этажей Храма. Там, вдоль грубо тёсаных стен, стояли и лежали почти в пустых залах-склепах тяжёлые каменные кресты, остатки старых саркофагов и поверженных временем колонн. Каждый шаг по каменным плитам отдавался здесь долгим гулким эхом.

Мы вернулись к исходной позиции — к главному входу — и вдруг разом обрели зрение. Да вот же он, прямо перед нами — камень Помазания — длинная плита из полированного до блеска розового известняка, окружённая высокими бронзовыми канделябрами и освещённая лампадами из тончайшего полупрозрачного фарфора. Это здесь тело Иисуса, как свидетельствуют евангельские тексты, было подвергнуто бальзамированию после снятия с креста...

Пришёл также и Никодим и принёс состав из смирны и алая, литр около ста. И так взяли они тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают иудеи.

Вот он — короткий внутренний переход в Храме, за которым сразу просматривается в глубине огромной купольной ротонды Рака его гробницы. Точнее — торжественно-величественный вход в неё: замощённая в шахматном порядке из чёрных и белых мраморных плит дорожка, стоящие вдоль неё, как в почётном карауле, гигантские, в два человеческих роста, траурные свечи... и низкий проём в стене, куда не войти, не склонив низко головы.

Век за веком в этот проём течёт молчаливый непрерывный людской поток, движимый одним стремлением — увидеть и прикоснуться — каждый со своей душевной заботой, со своей надеждой или потаённой печалью.

...Несколько ступенек вниз, небольшая комната, известная как Часовня Ангела, напоминающая о воскресении Иисуса. И, наконец, за следующим входом крошечная крипта — всего три коротких шага в длину. Продвинуться по ней можно только боком, повернувшись лицом вправо. Задержаться невозможно: живая цепочка вошедших должна, не оставивая движение, уже через несколько секунд уступить место следующим — медленно приближающимся ко входу и ждущим перед ним.

Тут, возле стены справа, покоится под мраморной плитой камень, взятый с могилы Иисуса. Над камнем серебряные светильники, негаснущие костры погребальных свечей,

поставленных от имени всех христианских конфессий, расшитые на шёлке и бархате по греческим, латинским и армянским канонам образы Воскресения.

И нескончаемый шелест шагов по отполированным до блеска камням — процессия, растянувшаяся на тысячелетия, миллионы тех, кто пришёл сюда, чтобы на одно мгновение прикоснуться пальцами или губами к тёплому от горящих свечей мрамору Надгробия.

...Ну, а где же само место распятия — Голгофа? Сколько раз каждый из нас видел её на полотнах знаменитых мастеров, представлял по воображению из книжных описаний. Чаще всего она виделась высоким, мрачным холмом, над которым курится сухая бурая пыль.

... Солнце уже снижалось над Лысой Горой, но жар ещё был невыносим, и солдаты в обоих оцеплениях страдали от него, томилась от скуки и в душе проклинали трёх разбойников, искренне желая им скорейшей смерти.

Маленький командир алы со взмокнувшим лбом и в тёмной от пота на спине белой рубахе, находившийся внизу холма у открытого подъёма, то и дело подходил к кожаному ведру в первом взводе, черпал из него пригоринями воду, пил и мочил свой тюрбан.

...Кавалеристы из разных взводов по очереди отправлялись за водой в балку под горой, где в жидкой тени тощих тутовых деревьев доживал свои дни на этой дьявольской жаре мутноватый ручей.

Томление солдат и брань их по адресу разбойников были понятны. Опасения прокуратора насчёт беспорядков, которые могли произойти во время казни в ненавидимом им городе Ершалаиме, по счастью, не оправдались. И когда побегал четвёртый час казни, между двумя цепями, верхней пехотой и кавалерией у подножья, не осталось, вопреки всем ожиданиям, ни одного человека. Солнце сожгло толпу и погнало её обратно в Ершалаим. За цепью двух римских кентурий оказались только две неизвестно кому принадлежащие и зачем-то попавшие на холм собаки. Но их сморила жара, и они легли, высунув языки, тяжело дыша и не обращая никакого внимания на зеленоспинных ящериц, единственных существ, не боящихся солнца и шныряющих меж раскалёнными камнями и какими-то вьющимися по земле растениями с большими колючками.

Никто не сделал попытки отбивать осуждённых ни в самом Ершалаиме, наводнённом войсками, ни здесь, на оцеплённом холме, и толпа вернулась в город, ибо действительно ровно ничего интересного не было в этой казни, а там в городе уже шли приготовления к наступающему вечером великому празднику Пасхи.

Так изображена Лысая Гора в знаменитом романе Михаила Булгакова. Находилась она в то время, как известно, за пределами Старого города. Но где искать её теперь, за каким новым кварталом, в какой части современного, обнявшего все окрестные холмы Иерусалима?

Оказалось, далеко идти незачем. Голгофа находилась... прямо над нашими головами, под одним из куполов самого Храма Гроба Господня. Нужно было только подняться по внутренней каменной лестнице на несколько десятков метров к венчающему церковь наверх. Показал нам столь очевидный маршрут местный православный монах. Когда мы уже поднимались по лестнице, он не удержался и покачал вдогонку головой: “Если бы вы, дорогие соотечественники, внимательней читали Евангелие...”

Нынешняя Голгофа — это две вознесённые под самый верх церкви подкупольные часовни, соединённые алтарём. Одна принадлежит римским монахам. В ней находится так называемый алтарь Гвоздей Святого Креста. Другая, которая отдана во владение православным грекам, известна своими необычными иконами, воссоздающими в человеческий рост образы Христа и Девы Марии. Под самим же изображением безжизненно повисшего на кресте Иисуса — небольшой выступ древней скалы. На ней серебряным кольцом обозначено место, где крепился тот Крест.

В одной из сувенирных лавок, облепивших прилегающие к Храму улочки, я купил перламутровое величиной с ладонь распятие. На его обратной стороне, на основе, вырезанной из оливкового дерева, были последовательно нанесены 14 схематических значков — по числу остановок, сделанных во время крестного пути Христа на Голгофу. Ещё

их называют станциями.

С помощью этого путеводителя прошли по Виа Долороза и мы.

Конечно, улица Скорби выглядит сегодня иначе, чем даже сто лет назад. На ней появились новоделы, сооружённые в память о событиях, происходивших здесь две тысячи лет назад. Многие старые дома тоже отмечены особыми мемориальными знаками. А сам суровый каменный коридор древней улочки теперь оживляют зелёные кроны пальм, кипарисов и бугенвиллий, щедро цветущих багряно-лиловым цветом даже в разгар здешнего января.

ПЕРВАЯ СТАНЦИЯ — около монастыря Бичевания. Здесь Иисус предстал на допрос перед Понтием Пилатом и был осуждён. *Тогда Пилат взял Иисуса... И воины сплели венец из тёрна, возложили его на голову — и одели его в багряницу. И говорили: радуйся, царь Иудейский. И били его по ланитам* (Евангелие от Иоанна).

Уже в 20-х годах нашего века на месте бывшего сооружения крестоносцев здесь была построена небольшая новая церковь с витражом и тихим мощёным двориком. Именно отсюда каждую пятницу и начинаются теперь повторяющиеся религиозные шествия по Виа Долороза.

ВТОРАЯ СТАНЦИЯ находится недалеко от древней римской арки, называющейся Ессе Номо (Се человек). Это слова Понтия Пилата, когда он представил Иешуа на суд толпы. Возле арки на некоторых плитах мостовой сохранились рисунки, служившие для старой римской игры в кости. Не исключено, что именно здесь римские солдаты играли в кости на одежду приговорённого к смерти Христа.

ТРЕТЬЯ СТАНЦИЯ на Виа Долороза там, где Иисус впервые упал под тяжестью креста. В память об этом здесь стоит небольшая часовня, возведённая в прошлом веке и принадлежащая ныне Армянской епархии. Обновлена и окончательно достроена часовня во время Второй мировой войны — польскими солдатами-католиками.

На **ЧЕТВЁРТОЙ СТАНЦИИ**, где находится небольшая молельня, Христос встретился с матерью.

На **ПЯТОЙ СТАНЦИИ** над резными дверями выбита в камне ещё одна памятная надпись. Возле этих дверей когда-то стоял, наблюдая за скорбной процессией, Симон (Симон) Кирениянин. Он-то и помог нести крест уже обессилевшему Иисусу. Об этом стоит сказать чуть подробнее. Приверженцы древнебиблейских законов никогда не считали Христа равным Богу. Для многих из них он остался в ранге проповедника, которых во времена, описываемые в Евангелие, в древнем Израиле было довольно много. Его жители нередко пребывали в состоянии всеобщего возбуждения, ожидая прихода Мессии, который, наконец, освободит народ от всех бед и печалей. Многие жители Иерусалима старались даже переселиться поближе к Кедронской долине, к холмам, из-за которых в любой момент, как ожидалось, мог показаться спаситель-Мессия.

И он, наконец, явился. Но Христос оказался явно не тем, кого ждали сторонники Старозакония. И правящий синклит Старой веры поспешил с ним расправиться.

Симон Кирениянин тоже не принадлежал к числу сторонников Христа. Не был его учеником. Но его действия — это некий просвет в мрачной картине неприятия и осуждения Иисуса тогдашним религиозным Иерусалимом. Симон Кирениянин, взяв на свои плечи крест осуждённого за инакомыслие, не только совершил акт милосердия, но и невольно увековечил собственное имя. Ведь поддержать Христа в тот горький момент практически было некому. В страхе разбежались даже самые близкие его ученики.

Возникает только один вопрос: по собственной ли воле помог Симон Кирениянин теряющему сознание Христу или его заставили это сделать? Считается, что по законам того времени римские стражники имели право принудить даже случайного прохожего участвовать в процессии, чтобы не задерживать движения к конечной цели.

Во всяком случае, имя человека из толпы отмечено на Виа Долороза специальной надписью.

Не буду подробно перечислять другие остановки на Пути скорби. По преданию, на

ШЕСТОЙ СТАНЦИИ Христос встретился с Вероникой. Она отёрла его лицо покрывалом, на котором и запечатлелся навсегда скорбный Лик. Эта реликвия хранится с VIII века в римской базилике... На ДЕВЯТОЙ СТАНЦИИ при входе в Коптский монастырь Иисус упал на камни в третий раз.

Последние пять станций, включая Голгофу, находятся уже внутри самого Храма Гроба Господня.

Непосредственным поводом для приговора Иешуа Га-Ноцри, как звали Иисуса на местный лад, стало его последнее путешествие в Иерусалим, на праздник Пасхи.

Слух о его прибытии распространился; пришедшие на праздник галилеяне очень обрадовались этому, устроили ему небольшой триумф, привели ему ослицу, по обычаю, вместе с осликом. В виде попоны галилеяне покрыли скромного возницу лучшими своими одеждами и посадили на них Иисуса. Другие между тем расстилали свои одежды по дороге и набросали на них зелёных ветвей. Толпа, шедшая впереди и позади Иисуса с пальмовыми ветвями в руках, кричала: Осанна сыну Давидову, благословен грядый во имя Господне! Некоторые даже величали его царём израильским. Вели им замолчать, — обратились к нему фарисеи. — Если они умолкнут, то камни возопиют, — отвечал им Иисус и вступил в город.

Так пересказывает это событие Эрнест Ренан, книга которого “Жизнь Христа”, вышедшая ещё в 1863 году, и поныне является одним из самых авторитетных и читаемых исследований на эту тему.

Что же конкретно вменялось в вину возмутителю спокойствия, провинциальному проповеднику из Галилеи, рискнувшему вступить в идейный спор с самими заветами Моисея, с апологетами этих законов?

Он присвоил себе имя Мессии и даже царя, хотя был всего-навсего сыном деревенского плотника.

Он обещал разрушить Храм древней иудейской веры и построить в три дня на его месте свой — новый, небывалый доселе. Уже это было неслыханным кощунством, которое не подлежало оправданию.

Богохульствовать против Храма, по иудейскому закону, было то же, что оскорблять самого Бога.

Он публично отвергал мысль об избранности собственного народа и его пастырей, предлагая открыть врата божьего царства для всех чистых сердцем, включая блудниц и мытарей. Он не хотел считаться ни с традициями, ни с принятыми от века ритуалами.

Он подрывал устои.

И Синедрион, давно жаждавший его крови, вынес окончательный приговор. И добился его утверждения у Понтия Пилата, который поначалу даже симпатизировал арестованному в Гефсиманском саду узнику — наивному и не лишённому обаяния мечтателю, как считал прокуратор Иудеи. Пилат отступил перед давлением иерусалимских первосвященников. Даже сама казнь Иисуса была исполнена по римским, а не по местным нормам, согласно которым осуждённых просто-напросто забивали камнями на отведённом для этой процедуры судилище. А затем нередко ещё и вешали умерщвлённое тело. Это был вполне законный тогда, библейский способ наказания. Не случайно Иисус, разбирая дело блудницы, приведённой к нему на суд, тоже говорит: пусть бросит в неё первым камень тот, кто сам без греха. И это было отнюдь не иносказание.

Иисуса, как известно, лишили жизни по-римски — на кресте. Только крест этот не был высоким, как обычно принято считать, таким, каким изображали его на многочисленных художественных полотнах. Ноги осуждённого почти касались земли. Их нередко не прибивали совсем, а только стягивали верёвкой. Где-то возле середины ствола на кресте крепили специальный обрубок дерева, который пропускали между ног преступника. Это устройство не давало ему сползти на землю. Ведь ладони, пробитые гвоздями, в любую минуту могли не выдержать и разодраться под тяжестью тела.

Казнь на кресте была по-варварски жестока, распятый мог прожить на весу ещё три и

даже четыре дня. Кровотечение из рук прекращалось довольно быстро. Основной смысл распятия состоял в том, чтобы продлить мучения жертвы, не убивая её сразу. Жертву медленно убивали страшные боли в голове и сердце, нарушение кровообращения. И, наконец, самых крепких — жажда и голод.

Иисус обманул своих мучителей. Он умер через три или четыре часа после того, как его распяли. Незадолго до этого он попросил напиток. Один из стражников сжалился — насадил на длинную трость пористую губку и обмакнул её в сосуд с понсой — смесью воды и уксуса — обычным походным питьём римских воинов. Затем поднёс трость к воспалённым губам осуждённого. Вскоре Иисус умер. Вероятнее всего, от разрыва сердца. На холме в этот момент не было никого, кроме нескольких стражников.

Так окончилась земная жизнь Христа. А спустя несколько десятилетий исполнилось пророчество Иисуса по поводу Иерусалима, которому он незадолго до своей смерти предсказал страшное будущее. Город полностью разрушили римские легионы, и он перестал быть Иерусалимом, превратившись в Юлию Капитолину. Прежнее имя ему было возвращено лишь спустя два века, когда византийский император Константин и его мать Елена совершили паломничество на святую землю и начали строительство новых храмов в память о Христе.

Точные даты рождения и смерти Иисуса — это предмет споров и по нынешний день. Разные исследователи слегка смещают их то в одну, то в другую сторону. Несомненно другое: он прожил немногим более 30 лет.

Обратимся в связи с этим ещё раз к тексту Э. Ренана, хотя и его мнение не всегда следует принимать за окончательную истину.

Представим себе Иисуса, принуждённого нести в течение 60 или 70 лет бремя своей божественности, утрачивая своё небесное пламя, истощаясь мало-помалу под гнѐтом неслыханной роли! Всё благоприятствует людям, отмеченным знамением. Они идут к славе по какому-то непобедимому влечению и роковому приказу. Эту великую личность, и поныне ежедневно руководящую судьбами мира, позволительно назвать божественной — не в том смысле, что Иисус принял в себя всё божественное или был с ним тождествен, а потому, что благодаря ему человеческий род сделал величайший шаг к божественному.

...Иерушалаим в переводе с древнееврейского значит — мир. Арабское звучание его имени Эль-Кудс можно перевести как святой. Сколько ему лет отроду, когда он возник? Можно ли абсолютно достоверно назвать такую дату? Древние предания утверждают, что именно в земле иерусалимской Голгофы захоронен ... череп Адама, потому и сам холм называется Черепом. Не исключено, что на нём Авраам собирался принести в жертву сына Исаака. Эти легенды возвращают нас почти в доисторические времена. Но разве все легенды оказываются в конечном счёте чистым вымыслом, неправдой? Известно, например, что столицей Израиля Иерусалим стал ещё при царе Давиде, а его сын Соломон построил здесь знаменитый Первый Храм. И произошло это почти за тысячу лет до нашей христианской эры. Так каков тогда возраст города в целом, если вести отсчёт от самого первого закладного камня — три тысячи или ещё больше? Кто знает точно? Ведь даже в нашей новой эре ещё немало неясностей и тёмных мест.

Особенность Иерусалима в том, что здесь век за веком оживали и продолжают оживать, становиться зримыми и осязаемыми даже самые, казалось бы, невероятные предания и мифы. Это прямо относится и к сказаниям о Христе. Почти каждая строчка Евангелия проиллюстрирована ныне в Иерусалиме рукотворными деяниями многих поколений. Их сотни, включая то, что построено сравнительно недавно.

В Гефсиманском саду у подножия Масличной горы рядом с усыпальницей Девы Марии, возведенной крестоносцами на месте её предполагаемой кончины, теперь стоит Храм Всех Наций — одна из самых значительных современных достопримечательностей. Он построен в 1924 году на месте старой византийской церкви и назван так в честь тех стран, которые сделали значительные вклады в его сооружение. Храм Всех Наций великолепно

украшен. Внутри его находится большой обломок скалы, окружённый колючим венком из кованого железа. Поэтому храм этот известен ещё и как Базилика Агонии. По преданию, на этой скале Иисус молился в ночь перед казнью. Там же, на западном склоне горы Олив, чуть выше расположились в густой зелени два российских подворья — великолепный Троицкий собор, построенный после Крымской войны и ставший вскоре центром русского паломничества в Иерусалим, и церковь Марии Магдалины, имя которой хорошо известно всем верующим. Золотые купола этой церкви зримо напоминают о Москве. Она построена царём Александром III в честь своей матери Марии Александровны. Там же находится могила великой княгини Елизаветы Фёдоровны, убитой в 1917 году за несогласие с большевистской революцией.

Перед Русским Троицким собором высится, отбрасывая на землю резкую прямую тень, огромная двадцатиметровая каменная колонна. Специалисты считают её наследием Ирода Великого, который, вероятно, хотел построить на горе Олив грандиозный дворец. Но колонна дала трещину и была брошена на площади. Недалеко от вершины горы Олив есть ещё одна церковь, в облике которой слились воедино архитектурные приёмы эпохи крестоносцев с приметами мусульманского зодчества. Она тоже знаменита своим древним камнем с отпечатком человеческой ступни. Отсюда, согласно преданию, Иисус вознёсся на небо.

И вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки свои, благословил их. И когда благословил их, стал отдаляться от них и возноситься на небо

(Евангелие от Луки).

Названа пока лишь незначительная часть иерусалимских памятников. Ведь есть ещё Сионская гора с библейскими и христианскими реликвиями, в ряду которых знаменитая трапезная, где прошла Тайная вечеря. Есть не менее известная Кедронская долина. Наконец, Садовая могила, которую многие христиане, особенно протестанты, считают истинной Голгофой и за которой они бережно ухаживают с конца прошлого века.

Так кому же принадлежит этот поистине всемирный город, который вошёл в историю множества стран и народов, стал в той или иной мере частью их собственной судьбы? Таким он оставался во все времена, во все тысячелетия. Его строили не только коренные израильтяне и арабы, но и римляне, византийские греки, итальянцы, поляки, эфиопы, наконец, наши соотечественники. Деятельное участие в его долгой жизни обозначили монахи — тамплиеры, францисканцы, которым принадлежит ныне основная доля христианских святынь, бенедиктинцы, копты, мусульманские религиозные движения, армянская община, православные россияне.

Большинству из приходивших сюда Иерусалим помогал укрепить веру. Большинству, но отнюдь не всем. Были очевидные заявки на показное благочестие и на личную известность, покупаемую за счёт щедрых пожертвований. Не удержался даже великий дуче — Муссолини. Он преподнёс городу двенадцать мраморных колонн из знаменитых каррарских каменоломен. Этот дар можно увидеть и сегодня в молельном зале мечети Аль-Акса, которая была построена мусульманами ещё в начале VIII века на том же Святом Храмовом Холме.

Свет Иерусалима всегда был ярок. И он привлекал не только чистых сердцем. На этот свет слетались нередко и ядовитые эфемеры, и просто честолюбцы.

Но это не могло затемнить славу Иерусалима, тем более истощить надолго силу его вечного притяжения.

От Вифлеема до Генисарета

Оказалось, что от нашего тихого, почти загородного отеля “Рамот Рахель”, окружённого высокими пальмами, до Вифлеема каких-нибудь шесть-семь километров. Но попали мы в него не сразу. Местные иерусалимские гиды не спешили сопроводить нас туда. В те дни, как и в самом Иерусалиме, в древнем селении было неспокойно.

И всё же мы решили не объезжать его стороной! Вифлеем, или по-нынешнему Бейт-Лехем, открылся сразу же — за первым поворотом дороги, бегущей между сухими известняковыми осыпями.

По уступам господствующего над долиной холма тесно лепились сельские домики, сложенные из белого тёсаного камня, красные черепичные крыши. А над ними, на самой макушке горы — сгусток мощных крепостных строений, увенчанных башнями, куполами и звонницами. На свободных склонах горы и у её подножия были видны зелёные полотнища травы с пасущимися на ней овцами, с разбросанными поодиночке или небольшими кучными группками оливковыми и кипарисовыми деревьями. Пейзаж — почти пасторальный и, как говорят, мало изменившийся с библейских времен.

В Бейт-Лехем едут, чтобы посмотреть гробницу Рахели. И конечно, христианские святыни: базилику Рождества, старинные монастыри, церковь Святой Екатерины. Этот храм хорошо знают во всём мире. Именно отсюда каждый год идёт на весь мир через космические спутники Земли торжественная телевизионная трансляция Рождественской мессы. Однако сам грот Рождества Христова и четырнадцатилепестковая вифлеемская звезда находятся чуть дальше.

Из церкви Святой Екатерины в Грот можно попасть через подземные пещеры, соединённые друг с другом.

В стенах пещер есть несколько глубоких каменных ниш и ям. Одна из них, зарешеченная и тёмная, оказалась почти доверху наполненной человеческими костями. Точнее — костными останками нескольких тысяч загубленных здесь царём Иродом младенцев. Так разъяснил нам местный экскурсовод. Поверить за давностью времён в такие вот предметные свидетельства современному человеку очень трудно. И всё же эмоциональное давление они, несомненно, производят на каждого гостя этих мрачных подземелий.

Грот Рождества — не очень велик, украшен потемневшей от времени цветной росписью. Несмотря на весьма скромные размеры — это тоже своеобразный памятный комплекс, развивавшийся и дополнявшийся в течение многих столетий.

В центре сводчатого Грота — большая, кованная из чистого серебра алтарная звезда, укреплённая на мраморе тёплого песочного цвета. На ней можно прочесть сделанную по-латыни надпись: *Nic de Vergine Mariya Jesus Christos natus est* — Здесь от Девы Марии родился Иисус Христос. Два других алтаря расположены напротив друг друга. Это Алтарь Яслей и Алтарь Волхвов.

Сами первоначальные ясли, куда младенца Иисуса положили после рождения, были сделаны, как гласит предание, из глины. Их нашла всё та же Святая Елена Константинопольская и заменила на другие — серебряные.

Над Гротом и остальными частями древних вифлеемских подземелий по-прежнему возвышается похожая на неприступный рыцарский замок базилика. Её, начиная с IV века, строили и восстанавливали после набегов иноверцев византийские императоры. Войти в эту огромную каменную базилику можно, только согнувшись в пояснице, — высота крошечных Ворот Смирения немногим больше метра. Когда-то они были, безусловно, шире и выше. Но в XVII веке их резко ограничили, заложив проём тяжёлыми каменными блоками, чтобы помешать мусульманам въезжать в церковь прямо на лошадях.

Резко разогнуться после нырка в низкий пещерный проём заставляет сам интерьер храма: мощные, уходящие в перспективу подпорные колоннады, громада внутреннего пространства, его подкупольная высота, с которой спускаются почти долу тяжёлые бронзовые светильники, подвешенные на тонких железных нитях.

Здесь мягким эхом отдаётся даже шёпот. Здесь в каменном настиле пола сделаны глубокие аккуратные выемки. Заглянув в них, видишь на тёмном дне другую эпоху — мозаику древнего храмового покрытия.

Сорок четыре могучие коринфские колонны из цельного красного известняка ритмично, шеренгами выстроились вдоль главного нефа, справа и слева от алтаря.

Выше их только цепочки стрельчатых окон, прорезанных в толще стен, да тяжёлые

морёные балки старинных перекрытий. Из подкупольных окон-бойниц косо падают вниз, в прохладный сумрак церкви, дымные солнечные столбы. Мягкий золотистый свет заполняет скрытую глубину пропилей, поднимается всё выше, как живая вода, по глянцевым стволам колонн. И тогда не нужно напрягать зрение, чтобы увидеть плывущие между ними чёрные монашеские сутаны. Кажется, что так было всегда.

... Из Вифлеема наша машина помчалась в Галилею, к Генисаретскому озеру.

Галилея — это исток, земля, где прошло детство Иисуса, где он ребёнком играл на тесных улочках Назарета, откуда ещё подростком вместе с другими селянами ходил на праздники в Иерусалим. Назарет, окружённый виноградниками, финиковыми и гранатовыми рощами, был тогда ничем не примечательным селением. Убранство почти всех местных жилищ было крайне простым: несколько подушек и циновок на полу, несколько кувшинов для воды, масла и вина, верстак для плотницких занятий или гончарный круг — вот почти всё. Плотником был и сам Иосиф. Эта простота почти полностью стирала грань между бедностью и богатством и казалась жителям Назарета вполне естественной.

Прямые родственники Иисуса остались в основном неизвестными. О его родных братьях и даже матери начали говорить только после смерти Христа.

В Назарете очень рано проявился и сам его характер. Легенды напоминают, что уже с детства он вышел из привычной колеи и противился родительской воле. Голос крови в нём почти отсутствовал. Такие натуры признают только связь духовную. Он не знал по-гречески, говорил и учился на сирийско-еврейском диалекте. Да и сам состав жителей Назарета был тогда весьма пёстрым: финикийцы, арабы, сирийцы, греки.

Довольно смешанным он остался и поныне. Правда, сегодняшний Назарет — это уже не село, а настоящий город — по-восточному шумный, деятельный, хорошо обустроенный. В нём немало новых зажиточных кварталов. И всё-таки венцом Назарета остаётся холм, где, согласно Евангелию, Дева Мария услышала благую весть о своём будущем материнстве. Холм этот на протяжении многих веков защищали и обихаживали монахи-францисканцы.

Здесь находится церковь Святого Иосифа, на месте которой предположительно и была его плотницкая мастерская. И конечно же, базилика Благовещения — один из самых величественных и грандиозных христианских памятников нашего времени. Она была сооружена в 1969 году на месте старых, многократно сменявших друг друга культовых зданий. Святости и достоверности от того, что это очевидный новодел, вовсе не убавилось, потому что огромная базилика буквально накрыла собой древние склепы, сохраняя их от разрушения и ещё более подчёркивая ценность.

Это не только дань глубокого уважения к седой старине, но и забота о будущем. Сам внешний облик огромной современной церкви, все её интерьеры с роскошными витражами, блеском мрамора, с гигантским алтарным панно Триумф Всемирной церкви — наглядное тому подтверждение.

И тут надо сказать искреннее похвальное слово нашим современникам — замечательным итальянским архитекторам, таким, как Джаованни Муцио и Антонио Барлуцци, для которых деятельная забота о святой земле стала поистине делом жизни. Это они спроектировали и построили в XX веке десятки новых зданий — в самом Иерусалиме, в Назарете, в Капернауме.

Следует оценить и другое: в Израиле все старобиблейские и евангельские реликты не просто хорошо сохраняются, но содержатся в образцовом, можно сказать, идеальном порядке, все археологические раскопы, где бы они ни производились, в центре большого города или в маленьком селении, все храмы, все музеи, все мало-мальски ценные достопримечательности. На них нет привычных для нас надписей “Охраняется государством”. Ясно и без табличек, как высоко ценят и берегут духовно-историческое и культурное наследие в этой стране, почему не жалеют на это ни средств, ни усилий.

Нам повезло. Холмистая Галилея встретила нас, как и сам Иерусалим, чистой синевою, ласковым новогодним солнцем. Мягкий встречный ветер без умолку ло-

потал в открытые окна машины.

Теперь она мчалась действительно по земле обетованной. Была середина января. В эти дни наша российская зима обычно поворачивает на мороз. А тут справа и слева от дороги тянулись непрерывной лентой одетые в густую листву сады: апельсиновые, грушевые, мандариновые — с тысячами спелых золотых плодов в вечнозелёных праздничных кущах, к которым так шло это ясное галилейское небо. Десятки километров садов — нескончаемый коридор свежих дразнящих запахов и по-летнему ярких красок. И так — с холма в долину, из долины снова на холм, пока не появилась вдаль сиреневая цепь Голанских высот, а под ними мерцающая сквозь лёгкую дымку голубая чаша Тивериадского озера.

Как прекрасна жизнь, потраченная на то, чтобы обозреть красоту Мира! — сказал восточный мудрец. Берег Тивериадского озера, наверное, и есть та самая частица огромной земли, где красота мира предъявлена во всём блеске. Если это и не сам Эдем, то, во всяком случае, — одно из его земных подобий. Здесь, на месте когда-то шумного торгового города, через который шли караванные пути в Сирию, дремлют древние руины Капернаума и Табги, здесь в Генисаретские воды неслышно впадает Иордан, в котором крестился Иисус. Тут не диво увидеть два стоящих по соседству дерева, одно из которых цветёт посреди января буйным багряным цветом, а другое — уже готово отдать людям свои созревшие, налитые сладким соком плоды.

На берегах Генисарета Иисус проповедовал в местной синагоге, зачастую вступая в полемику с приверженцами старых законов. Но обычно почти всё время он и его ученики проводили под открытым небом. И беседы с ними он вёл, то сидя в лодке, то прямо на прибрежных валунах или поднявшись на зелёные холмы, окружающие озеро. В один из таких дней — на склонах Горы Блаженств — родилась знаменитая Нагорная проповедь.

... Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю, блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное...

Ныне на Горе Блаженств стоит церковь с винно-красным куполом, окружённая лёгкой изящной галереей. Внутри церкви, построенной уже упомянутым в очерке итальянским архитектором Антонио Берлуцци, на восьми окнах можно прочесть начало текста каждой из восьми заповедей Нагорной проповеди.

На берегу озера — другое строение, сложенное из тёмных базальтовых блоков. Это церковь Примааса Петра, примас по-латыни значит первенство. Легенда гласит, что именно на этом месте Иисус передал управление своей общиной любимому ученику, местному уроженцу Петру (Симону).

Берега Тивериадского озера напоминают и о многих совершённых здесь чудесах, хотя, как утверждает Э. Ренан, Иисус зачастую делал это неохотно, лишь после настойчивых просьб своей общины, так как полагал, что чудеса умаляют в какой-то мере значение чистого Слова, его устных проповедей. Тем более что Палестина была тогда буквально наводнена всевозможными чудотворцами, врачевателями и экстрасенсами. Капернаум и Табга стали в этом смысле для Христа неким исключением из правила — полнота здешнего бытия и упоение самой жизнью требовали и полноты действия.

В перечне генисаретских чудес — излечение раба центуриона, изгнание нечистого духа из одержимого человека в синагоге, пешее хождение по водам озера. И, пожалуй, самое известное — преумножение хлебов и рыбы. На память об этом чуде остались церковь того же имени, построенная на каменной основе старой византийской, так называемый Стол Христа, и удивительная по красоте древняя мозаика — многозначный художественный символ жизни: корзина, наполненная хлебом, и две рыбы по бокам.

Когда же наступил вечер, приступили к Нему ученики Его и сказали: место здесь пустынное и время уже позднее; отпусти народ, чтобы они пошли в селение и купили себе пищи. Но Иисус сказал им: не нужно им идти. И велел народу возлечь на траву и, взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо, благословил и, преломив, дал хлебы ученикам, а ученики — народу. И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных, а евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей...

(Евангелие от Матфея).

Вот оно — истинное упоение жизнью! На горе сей пьют радости, пьют вино. Но сколько же оно может длиться даже на самых сказочных берегах?

Хорошо известно, что родной Назарет, в сущности, отверг Иисуса, ибо нет пророка в своём отечестве. Многие его жители, включая прямую родню, видели в нём не просто отбившегося от обычных сельских дел взбудораженного мечтателя, но неуправляемого, помешанного человека. Да и как не видеть, если он открыто призывал людей не сеять и не жать, а жить, как птицы небесные, если не признавал кровных уз, если первым условием вступления в его общину был полный отказ от всего личного имущества. Тот, кто не решился продать свой дом и раздать вырученные деньги нищим, не мог стать его учеником. Это было обязательной нормой для всех, кто лелеял надежду обрести когда-нибудь царство Божие.

Далеко не всё удалось Иисусу и в Капернауме. И тут попытки создать храм свободного чувства нередко наталкивались на равнодушие и даже противодействие стражей старых незыблемых догматов. Не случайно на тех же идиллических берегах Иисус воскликнул прямо в синагоге: *И ты, Капернаум, до неба вознёсшийся, до ада низвергнешься!*

В его проповедях почти всегда были две контрастные краски: суровый протест против ветхозаветных законов, из которых он, в сущности, вырос, и призыв к обновлению, за который он заплатил предельно дорогой ценой — собственной жизнью.

О нём написаны тысячи книг. В его честь возведено по всей земле во все христианские времена бессчётное количество храмов. И наверное — ненамного меньше разрушено. С его именем начинались крестовые походы и многие другие войны. Во имя его люди совершали неисчислимые подвиги, поднимавшие духовно и нравственно человечество в целом.

Если описание жизни Христа строить исключительно на достоверных, безусловно подтверждённых наукой фактах, то оно заняло бы всего несколько коротких строк. Всё остальное — лишь предположения, толкования, легенды, густо приправленные фантазией и мистицизмом поздних авторов. Сам Христос, создавший десятки устных поучительных притч и высказываний, не оставил людям ни единой письменной строчки.

Разноречиво порой звучат даже тексты синоптических, узаконенных церковью Евангелий, не говоря уже об апокрифах и других, вовсе нелигитимных сочинениях. Скажем, до сих пор не сняты некоторые претензии к Евангелию от Иоанна. Не случайны и попытки создать на основе канонических евангельских текстов единое обобщённое жизнеописание Христа, из которого были бы удалены все несовпадения и неточности.

Так каким же на самом деле был Богочеловек, явивший миру величайшее нравственное учение, буквально взорвавшее прежнее представление о благочестии и смысле земного бытия? Какая внутренняя идея руководила им прежде всего — мысль о всеобщем бескорыстии и коммунистическом равенстве, духовном братстве людей? Или о святой жертвенности, без которой человеку не искупить земных грехов, не приблизиться к творцу?

Один хочет представить Иисуса мудрецом, другой — философом, третий — патриотом, четвёртый — хорошим человеком, пятый — моралистом, шестой — святым. Но он ничем этим не был. Он был очарователь... — таков один из возможных, но отнюдь не бесспорных ответов на эти вопросы, который прозвучал ещё в прошлом веке.

Человек, о котором ещё при жизни создаётся легенда, возможно, и сам невольно подпадает под её влияние. Но при этом у него обязательно должна быть одержимая душа, готовая буквально во всём видеть предуказание свыше и до конца следовать своему внутреннему зову.

Быть возглавителем нового духовного движения или, говоря на сегодняшний лад, его лидером, значит нести ношу, неподъёмную для других. Значит, уметь не просто находить благие идеи, но и отдавать им всего себя, без остатка, значит, постоянно испытывать высокое напряжение души. И ещё — чувство одиночества, ибо замены быть не может. Замена в таких случаях почти всегда оборачивается подменой самого дела.

Наверное, поэтому Иисус был на две головы выше даже самых способных своих учеников. Он облакал свои поучения в образные, взятые прямо из жизни притчи, а его ученики нередко не могли без его помощи даже расшифровать их. Они не вняли его горьким и очевидным предупреждениям во время Тайной вечери. И опасаясь последствий, не поспешили за ним даже тогда, когда его вели на Голгофу.

Их заслуга в том, что они были прямыми свидетелями его жизни и сумели передать свои впечатления от неё следующим поколениям. Эта великая духовная эстафета длится вот уже два тысячелетия.

... Тивериадское озеро тянется вдоль горной гряды на 20 с лишним километров. Ещё с евангельских времён его называли морем. Его берега утопают теперь в густых пальмовых рощах, которые буквально окольцевали светлое зеркало воды. Река Иордан не только впадает в Тивериадское озеро, но и, так сказать, выпадает из него, только уже на противоположном берегу, чтобы нести свои зеленоватые потоки дальше, через Галилею и Иудею, к другому — Мёртвому морю. В водах Иордана по-прежнему, как и во времена Иоанна Крестителя, происходят массовые крещения приезжего люда. На реке даже создан для этого специальный центр Ярденит. Его основали члены местной киббуцы Киннерет.

На прощание мы посидели за столиком одного из бесчисленных здешних ресторанчиков, поставленных, как единодушно утверждают их владельцы, в память о том, как Иисус накормил двумя рыбами и пятью хлебами весь галилейский народ. Столики располагаются прямо среди пальм — под открытым небом, у самой воды. Её солнечные блики дрожат на стволах деревьев, вспыхивают на влажных прибрежных валунах. Тихо позванивает под берегом вода. На мягких пологих волнах озера покачиваются тысячи птиц, прилетающих отовсюду на тёплое генисаретское зимовье.

В ясную погоду хорошо видны все местные окрестности — с зелёными холмами, отражающимися в зеркальных полотнищах озера, с далёкими рыбацкими лодками под косыми разноцветными парусами.

Наивно полагать, что все побывавшие на святой земле возвращаются домой другими людьми. Довольно и того, что многие из них начинают вновь и вновь оглядываться на свою прежнюю жизнь — уже с иной, новой меркой.

... **Amata nobis quantum amabitur nulla.** По-русски это можно прочесть так: **Возлюби однажды, как ничто другое.**